

Константин Паустовский

Обещание счастья

Старый челн

Поезд остановился. Стало слышно, как гудит шмель, запутавшийся в оконной занавеске.

— Какая станция? — спросил из купе сонный голос.

— Стоим в пути, — ответил проводник.

Он торопливо шел через вагон и вытирал паклей руки.

Наташа высунулась из окна. От высокой насыпи до самого горизонта тянулся лес. Над ним, закрывая половину неба, стояла глухая туча. Стаи белых птиц метались перед ней, как хлопья одуванчика.

Гром громыхнул за краем земли и неуклюже покатился над лесом. Гром ворчал так долго, что, казалось, он обегает кругом всю огромную землю. Он затихал, когда запутывался в чаще, но, выбравшись на просеки и поляны, гремел еще угрюмее, чем раньше.

— Какая гроза! — сказал кто-то за спиной у Наташи.

Она оглянулась: в дверях купе стоял ее попугчик — молодой режиссер.

— Какая гроза! Как здорово сделано! — повторил он, всматриваясь в грозовое небо с таким видом, будто оно было театральной постановкой. — Вы не знаете, что это за птицы?

— Не знаю, — ответила Наташа.

— Это дикие голуби, — сказал пожилой лесничий в роговых очках и улыбнулся Наташе. — Как же вы не знаете! А еще десятиклассница!

— Я горожанка, — ответила Наташа и смутилась.

Поезд вздрогнул и пополз назад. Сразу стемнело. Внезапно ветер рванул занавески и опрокинул стакан с цветами на столике. На пол звонко полилась вода.

Вдоль окон блеснула молния. Тотчас в лесу что-то страшно и сухо треснуло, будто сломалась большая сосна.

— Что случилось? — спросила плачущим голосом сухая маленькая женщина в лиловой пижаме. Ее щебечущая красота исчезла с первым же раскатом грома.

Пассажиры торопливо подымали окна, смотрели на тучу. Молнии открывали в ней зловещие пещеры, воронки вихрей, мутные космы дождя. Огромные материи из черного пепла и седой золы валились на землю, наглухо затягивали небо. В страшной черноте все вспыхивала и вспыхивала в блеске молний одна и та же белая

сухая береза. Было непонятно, почему этот беглый свет вырывает из темноты только эту березу, когда вокруг нее шумят под ветром тысячи других деревьев.

— Проводник, что же, наконец, случилось? — крикнула женщина в лиловой пижаме. — Почему мы идем назад?

— Путь впереди размыло, — угрюмо ответил проводник. — Видите. Какая гроза! Подают на Синезерки. Там будем стоять, пока не починят.

— Безобразие! — сказала маленькая женщина, испуганно зажмурила глаза и захлопнула дверь купе.

Мертвый лес вздрогнул от мутного блеска и оказался живым: ветки, похожие на черные рваные рукава, дрожали от ветра и были вытянуты в одну сторону — к последнему просвету под низким пологом туч. Деревья будто цеплялись за уходящее чистое небо и звали на помощь.

По крыше вагона тяжело зашумел проливной дождь.

— «Молнии стремителен бег, и разит она тяжким ударом», — неожиданно сказал лесничий.

Режиссер усмехнулся одними глазами.

— Откуда это? — спросила Наташа.

— Из Лукреция, — ответил лесничий и покраснел.

По всему было видно, что лесничий и

счастлив и смущен. Он был счастлив потому, что ехал в отпуск в Крым, где не был с детства. В памяти остались обрывистые мысы, заросшие колючками, и плывущий к их подножию откуда-то из страшной дали никогда не затихающий плеск воды.

Смущали его попугчики. Смущала их подчеркнутая вежливость с ним, пижамы, разговоры о курортной жизни. Они вели их друг с другом, никогда не обращаясь к нему. Когда они небрежно говорили о гостиницах, портье и ресторанах, он чувствовал, что до него, лесничего, надевшего в дорогу новый серый костюм, им нет никакого дела. Они были пронизательны, эти попугчики, и, казалось, знали, что костюм у него единственный и сшит посредственным портным из Костромы. Он берег его и завидовал режиссеру. Развалясь на диване, засунув бледные руки в карманы тончайших брюк, режиссер курил папиросы «Элит» и ничуть не заботился о том, что его расстегнутый пиджак мнется, а табачный пепел осыпает завязанный вольным узлом ослепительный галстук.

Единственным попугчиком, не смущавшим лесничего, была Наташа — застенчивая худенькая девушка. У нее вес время от ветра из окон растрепывались волосы и по несколько раз в день попадали в глаза песчинки.

Однажды лесничий помог ей вынуть песчинку из глаза, но тоже смутился, когда Наташа протянула ему для этого прозрачный, слабо надушенный носовой платок.

«Лесовик! — подумал о себе лесничий. — Чертов провинциал!»

— Какое славное название — Синезерки... — пробормотал режиссер. — Синезерки! Синезерки! Синие озера. Это надо запомнить.

— Здесь много озер, в этих лесах, — сказал лесничий.

— А вы знаете эти места?

— Да так, немного... Лет пятнадцать назад я здесь работал: сажал лес.

— А-а, это интересно! — протянул режиссер, но по его лицу лесничий понял, что это никому не интересно. — Нам чертовски не везет. Что стоило грозе разразиться здесь не сегодня, а завтра!

— Да, действительно досадно, — согласился лесничий.

Он думал, что вот уже давно собирается съездить в Синезерки, на старые места, но все никак не соберется. Вот и теперь поезд простоит в Синезерках час-два, пока не починят путь, и, кроме знакомой пустынной станции, где по платформе бродят занятые своим делом куры, он ничего не увидит.

— Да, жаль! — вздохнул лесничий.

Наташа тоже волновалась. В Крыму она еще не была. Он казался ей синим, туманным, пахнущим гвоздикой. Хотелось поскорее увидеть море. Говорили, что оно открывается неожиданно и похоже на высокую тучу.

В Синезерках было безлюдно. В окне у дежурного горела керосиновая лампа. Трудно было понять, наступил ли уже вечер или темнота пришла от дождя.

Дождь стих. Из леса пахло сырими опилками.

Дед Василий привез на станцию дрова, свалил их, а сейчас перетряхивал в телеге мокрое сено и поглядывал на поезд: «Куда это только шастают люди, взад-вперед, взад-вперед?»

Лошаденка его засунула голову по самые уши в торбу с овсом, торопливо жевала и прислушивалась к бормотанию деда, ждала привычного окрика: «Н-но, дьявол! Заелся на казенных харчах!» После такого окрика оставалось только тяжело вздохнуть и понуро тащить телегу по песчаной дороге обратно на озеро.

Но дед Василий неожиданно бросил вожжи и заторопился к поезду. Он подошел к освещенному окну мягкого вагона и постучал кнутовищем в стекло.

— Петр Матвев! — крикнул он слабым, срывающимся голосом. — А Петр Матвев!

За окном в коридоре стоял лесничий и

разговаривал с Наташей. Лесничий всмотрелся в старика и открыл окно.

— Не признаешь? — спросил дед и тонко засмеялся. — А я тебя признал издаля, от телеги. Как привел бог встретиться, скажи на милость!

— Василий! — крикнул лесничий, быстро вышел на площадку, соскочил на песок и обнял старика. — Живешь?

— Живу, — ответил дед, утирая рукавом лицо. — Живу, старюсь. Смерть около топчется, а в сторожку ко мне ей зайти невдомек... Забыл ты нас, Петр Матвев, истинное слово, забыл! А без тебя жизнь наша, прямо скажу, никудышная.

— Чего так? Что у вас неладного?

— Будто ты и не знаешь? — недоверчиво спросил дед. — Будто газет сроду не читал, Петр Матвев?

— А что? Ты говори, не оглядывайся.

— Мне оглядываться не на кого. В нашей-то районной газете сколько раз печатали, — сказал со вздохом дед. — Печатали, печатали, а на поверку выходит: зря старались. Оно и видать; одной письменностью дела не сдвинешь, лес не оборонишь.

— Да ты о чем? — спросил лесничий. — Ты не крути, ты говори прямо. Дед снял шапку и бросил ее на черный от нефти песок:

— Эх, Петр Матвев, Петр Матвев! Лес твой

молоденький приказал долго жить.

— Сгорел? — испуганно спросил лесничий.

— Зачем сгорел! Пожару у нас, храни бог, не было. А с этой весны ест его гусеница, ест как по наряду. И сейчас, почитай, уже половину съела, проклятая. Новый лесовод никак не управится. Все ему, видишь ли, ходу не дают, яду не дают, а он бумажки сюда пишет, туда пишет, и как Ни придешь, одни у него слова: «Нет ответу». Так вот и сидим, порты Протираем. «Нет ответу да нет ответу». А лес! — громко сказал дед и всхлипнул. — Лес мы с тобой, Петр Матвев, какой насадили! Сосна к сосне, как красавицы сестры. Ей-богу, верь не верь, а я как войду в него, шапку скину и стою как беспамятный: до чего хорош лес!

Дед поднял шапку, осмотрел ее и нахлобучил на свалывшиеся седые волосы.

— Что же поделаешь, Василий! — сказал лесничий и оглянулся.

На ступеньках вагона стояла Наташа и, наморщив лоб, слушала жалобы деда.

— Когда отец детей кинет без помощи, — сказал горестно дед, — так совесть его корит, а к тому же и судят его народным судом. А дерево что? Дерево безгласное. Дерево кому будет жаловаться? Одному мне, дураку, лесному объездчику.

— Что же делать, Василий? — растерянно спросил лесничий.

— Опыление, — пробормотал дед, не слушая лесничего. — Нынче весной созрела пыльца, задул ветер — и понесло ее по-над озером золотым дымом. В жизни я такой пыльцы не видал.

Дед помолчал.

— Петр Матвев, — сказал он умоляюще и взял лесничего за рукав, — уважь старика: поедем на озеро, поглядим. Ты мне только скажи, чем его спасти, лес-то, и поезжай себе с богом, а я как-нибудь сам управлюсь.

— Чудак! — сказал лесничий. — Да ведь поезд через два-три часа уйдет. Что ты в самом деле придумал!

— Не уйде-ет! — уверенно сказал дед. — Некуда ему идти. Путь на два километра размытый. Завтра в обед уйдет, не ране.

Лесничий снова оглянулся на Наташу. Она все так же, наморщив лоб, смотрела на деда.

— Пойдем к дежурному, — сказал решительно дед. — И ежели есть у него малейшая совесть, он тебе подтвердит. Ну, пойдем!

— Что мне с тобой делать? — рассердился лесничий. — Запутал ты меня своими разговорами.

— Поезжайте, Петр Матвеевич, — сказала неожиданно Наташа. — Успеете.

— Вы думаете, успею? — спросил лесничий, засмеялся и повторил: — Вы думаете, успею?

— А можно и мне поехать с вами? —

спросила Наташа.

— Эх, барышня-красавица, товарищ дорогой! — сказал дед и низко поклонился Наташе. — Как же тебя не взять за такое верное слово! Поедем. Пока мы по лесу туда-сюда будем шастать, ты у озера поживи. Озеро у нас с серебряной водой. Нету такого во всем Советском Союзе.

— Ну, пошли к дежурному! — сказал лесничий. — Запутал ты меня, старик, окончательно!

Дежурный сказал, что путь не починят раньше завтрашнего полудня.

Лесничий, дед и Наташа уехали на озеро. Отъезд этот вызвал среди пассажиров неодобрительное недоумение.

Лошаденка тащила телегу не торопясь. Колеса скрипели по заросшим травой темным дорогам. Тишина — она казалась Наташе глубокой, как ночная вода, — стояла в лесах. Только в сырых перелесках изредка кричали спросонок какие-то птицы.

К полуночи тучи ушли, и над вершинами сосен начало переливаться холодными огнями небо. Но Наташа не узнавала звезд: созвездия запутались в ветвях деревьев и потеряли знакомые очертания.

Лесной край, загадочный и огромный как океан, простирался вокруг в сумраке ночи, в запахе

прели и мокрой листвы, в остром воздухе никем не потревоженных чащ, в непрерывном мерцании неба. Наташа говорила шепотом, да и дед и лесничий тоже говорили вполголоса.

— Сторонушка наша заповедная, — бормотал, вздыхая, дед. — Леса эти завалились до самого края земли. Нету их лучше на свете.

«Спи-спи! — крикнула где-то над головой проснувшаяся птица. — Спи-спи!»

«Я и так сплю», — подумала Наташа и засмеялась от неожиданного счастья. Ей даже стало холодно от радости и захотелось, чтобы эта ночь шла без конца, чтобы без конца неторопливо постукивала по корням телега, чтобы все глуше, дремучей делался лес.

— Ну, кажись, приехали, — сказал дед.

Стало светлее. Наташа оглянулась и ничего не поняла: звездное небо лежало у самой дороги и тихо плескалось, набегая на невидимый берег.

— Озеро, — сказал лесничий. — Звезд сколько в нем — будто осенью!

Сипло залаяла собака. Телега остановилась около сторожки, под черными ивами. Где-то на насесте всполошились куры. Дед вошел в сторожку, зажег жестяную керосиновую лампу и осветил Наташе и лесничему.

Наташа выпила молока и тотчас уснула на блестящей от старости широкой лавке. Дед

положил ей под голову новый армяк.

Проснулась она очень рано. Белое солнце стояло над лесом. В избе никого не было, только черный пес сидел под столом и, с любопытством поглядывая на Наташу, вычесывал блох.

— Как бы не опоздать! — спохватилась Наташа, вскочила и поправила волосы.

Наташа вышла в прохладные сени.

Пес шел за ней и, заискивая, колотил хвостом по ведрам, по сваленным на полу хомутам.

Никого не было. Наташа открыла дверь на крыльцо и только вздохнула. Круглое светлое озеро блестело тут же, рядом, за самым порогом, в едва приметном тумане. В озере отражались леса. Вода у белого прибрежного песка была такая чистая, что казалась легкой, невесомой. В ней спали, пошевеливая хвостами, маленькие серебряные рыбы.

На берег был вытащен серый от старости, рассохшийся челн. Наташа выкупалась в озере, оделась и подошла к челну. На нем еще осталась скамейка. Наташа села на нее. Скамейка была теплая от солнца.

В щелях челна проросли высокие цветы и травы. У самых ног Наташи тройным кустом расцветал розовый кипрей. На носу, где челн был стянут ржавым железным стержнем, рос бессмертник, а сквозь песок на дне челна пробились

кукушкины слезы. Сильно и сладко пахло аиром и сосновыми стружками. Черный пес лег около челна и зевнул.

«Л как же поезд?» — подумала Наташа и удивилась: эта мысль не вызвала у нее никакой тревоги.

Так она просидела около часу. Она слышала, как на полянах за озером тихо переговаривались о чем-то своем журавли, потом отчаянно крикнула утка, и снова все стихло.

Первым пришел дед. Он ласково поздоровался с Наташей, сел на песок около челна и сказал:

— Ты насчет поезда не опасайся. Дай вот я покурю, запрягу Мальчика и свезу тебя на станцию. Поклонюсь тебе вслед: езжай, живи на теплых морях в городе Золотые Маковки, наживай счастье.

— А где же Петр Матвеевич?

Дед усмехнулся.

— Сейчас придет. Ему теперь все нипочем.

— А что такое? — испугалась Наташа.

— Расскажет, — ответил дед, выколачивая треснувшую трубку о борт челна. — Ты слушай. Челну этому сколько годов? Не мене, чем мне. Мы с ним одногодки. Смотри, как зарос всяким цветом, всякой травой. Вот это называется по-нашему дрема. — Дед показал на кукушкины слезы: — Ты погляди на него, на цветок: днем дремлет, а как ночь — раскрывается, медом пахнет, и так до утра.

Правду сказать, худой челн, свое отслужил. Лесовод наведни приезжал, смеялся; «Ты бы, говорит, Василий, на нем картошку сварил, чего зря дрова валяются». А я думаю: нет, картошку на нем варить срок не вышел, с этим делом погодить надо.

— Жалко? — опросила Наташа.

— Известно, жалко. Ведь ты подумай: истлел вконец, а годится для жизни.

— Как это? — спросила Наташа. — Я не понимаю.

— А чего тут понимать! — рассердился дед. — Челн этот — одна труха, а в каждом пазу цветок тянется. Так вот погляжу на него да нет-нет и подумаю: «Может, и от меня, от старика, тоже для жизни какая-нибудь полезность случится». Вот и стараюсь. Ты седины не бойся. Главное чтобы сердце у тебя было в исправности. Верное я слово сказал или нет?

— Верное, — ответила Наташа и засмеялась.

— Ну то-то! Ты моему слову верь!

Подошел лесничий. Дед, кряхтя, встал и пошел запрягать Мальчика. Лесничий был суров, смущен. Он спросил Наташу, как она спала, выпила ли утром молока, и замолчал.

— Мы не опоздаем? — спросила Наташа.

— Да нет, не думаю, — ответил лесничий, покраснел и добавил, не глядя на Наташу: — Дело в том, что я не поеду.